

Осторожно собрав все глиняные таблички, она уложила их обратно в тот самый ящик, в котором привезла их от Сагикана. Ей было тяжело расставаться с ними, позволив кому-то забрать их. Но Мудлин был прав: невооруженным глазом с ними ничего не поделать, ему необходимо подвергнуть их лабораторному анализу.

Она с досадой смотрела, как специалист по древней литературе, крепко прижимая к груди драгоценный ящик, неуверенной походкой вышел из комнаты. Теперь в помещении снова остались только она и Балик.

— Сифна... насчет того, что я только что сказал...

— Я же просила забыть об этом. Я уже забыла. Теперь я хочу поработать, ты не возражаешь, Балик?

— Послушай, как Артур отнесся к этому? — спросил Серимон. — Полагаю, лучше, чем ты ожидал.

— Он просто великолепен, — ответил Бини.

В этот момент они сидели на террасе Клуба Шести Солнц. Дождь временно прекратился, и после долгой ненастной погоды воздух стал свежим — выдался чарующий вечер. Белый свет, отражавшийся от Тано и Ситсара в западной части неба, казался еще более бледным; Довим, располагавшийся по диагонали на востоке, в сумерках отливал красным, напоминая драгоценный камень, вправленный в небеса.

— Он почти не выказал недовольства, если не считать вспышки, когда я заговорил о том, чтобы замять всю историю ради сохранения его чувств. Тогда он вспылил и как следует отчитал меня — и я поделом заслужил. Но самое смешное во всем этом... Официант! Официант! Принеси мне бокал танолы! И моему другу тоже. Сделай двойную порцию!

— Ты ведь скоро превратишься в завязатого пьяницу, верно? — с намеком произнес Серимон.

Бини пожал плечами:

— Только здесь. Это связано с террасом, видом на город и общей атмосферой...

— Так всё и начинается с выпивкой. Сначала пьешь по чуть-чуть, потом втягиваешься, начинаешь приятно ассоциировать спиртное с каким-то особым местом, затем пробуешь пропустить стаканчик-другой в других местах, а там глядишь — и до трех дело доходит...

— Серимон! Твои речи звучат точь-в-точь как проповеди культистов Культа Пламени! Они ведь тоже считают выпивку злом, верно?

— Они считают злом абсолютно всё, и выпивка, разумеется, не исключение. Именно поэтому она так хороша и так нам нравится, правда же, мой друг? — Серимон рассмеялся. — Разве ты не собирался рассказать мне об Артуре?

— Да, и в этом действительно есть нечто комичное. Помнишь твою смелую догадку? О том, что нечто неведомое вытолкнуло Кальгаш с привычной нам орбиты.

— Помню: невидимое чудовище невероятных размеров, ревущий дракон.

— Представь себе, догадка Артура поразительным образом совпала с твоей.

— Он тоже считает, что в небесах обитает дракон?

Бини громко рассмеялся.

— Не глупи. Речь идет лишь о некоем неизвестном факторе — возможно, о каком-то несвете солнца или о мире, находящемся в слепой зоне для наших наблюдений, — но он-то как раз и непрерывно воздействует гравитацией на Кальгаш...

— И во всем этом нет ни капли фантастики? — спросил Серимон.

— Разумеется, есть. Но Артур напомнил нам о старом, избитом философском принципе бритвы Тагоры, который мы используем — я имею в виду, в качестве метафоры — когда не можем сделать выбор между двумя гипотезами и прежде всего отсекаем более сложную. Отыскать несветое солнце куда проще, чем выстраивать с нуля совершенно новую теорию всемирного тяготения, а потому...

— Несветое солнце? Разве это не концептуальное противоречие? Солнце — это источник света. Если оно не светит, как его можно называть солнцем?

— Это всего лишь одна из возможностей, брошенных нам Артуром, он вовсе не обязательно тщательно ее обдумывал. Последние дни мы только и делаем, что пускаем в ход и ищем всевозможные астрономические теории в надежде обнаружить среди них хоть какую-то точку зрения, способную обеспечить достаточную теоретическую базу, чтобы мы могли дать случившемуся исчерпывающее объяснение... Смотри, а вот и Шелин.

Бини помахал рукой пухлому психологу, только что вошедшему снаружи:

— Шелин! Шелин! Подойди к нам, выпьем вместе по бокалу, а?

Шелин осторожно пробирался через узкий проход.

— Бини, выходит, ты обзавелся новой вредной привычкой?

— Не особо. Но Серимон постоянно угощает меня танолом, и, кажется, он мне пришелся по вкусу. Ты ведь не знаком с Серимоном? Он обозреватель Кроникл.

— Полагаю, мы не встречались, — произнес Шелин, протягивая руку. — Хотя я часто слышу о тебе. Я дядя Ресты 717.

— Профессор психологии, — заметил Серимон. — Вы ведь только что вернулись с Джоллерской ярмарки, верно?

Шелин выглядел удивленным.

— Вы следите абсолютно за всем, не так ли?

— Предпочитаю надеяться на это.

Подошел официант.

— Чего желаете выпить? Как насчет танола?

— Слишком крепко, — ответил Шелин. — И слишком сладко. Найдется нельтиги? Если уж пить, то только его.

— Это бренди родом из Джоллера? Не уверен. И как именно вы собираетесь его пить, если удастся отыскать?

— Ничего не добавляя, — Шелин посмотрел на Серимона и Бини. — За те дни, что провел на Севере, я пристрастился к этому напитку. Пусть тамошняя еда — сущий кошмар, но бренди по крайней мере варят вполне сносное.

— Слышал, на ярмарке было немало хлопот, — сказал Серимон. — В парке развлечений стряслась беда — поездка по туннелю во мраке сводит людей с ума, говоря научным языком, приводит к умопомешательству...

— Это был Таинственный туннель. Именно поэтому я туда и отправился. Городские власти и коллегия адвокатов наняли меня в качестве консультанта, чтобы я подсказал им выход.

Серимон подался вперед:

— Говорят, в туннеле людей насмерть застращали до полусмерти, но его все равно продолжают держать открытым для публики, это правда?

— Этот вопрос мне задают абсолютно все, — ответил Шелин. — Погибло несколько человек, но похоже, это ничуть не убавило любви публики. Во всяком случае, они по-прежнему рвутся туда на свой страх и риск. Многие выходят оттуда с рассудком набекрень. Я и сам лично проехался на машинке по Таинственному туннелю.

При этих словах он вдруг содрогнулся.

— Впрочем, теперь его закрыли. Я сказал им, что есть лишь два пути: либо закрыть аттракцион, либо угодить под суд и выплатить колоссальные компенсации. Я также объяснил им, что заставлять людей переносить темноту в состоянии предельного нервного напряжения — чистой воды безумие. До них дошел смысл моих слов.

— Господин, нельтиги у нас действительно есть, — прервал его официант, ставя перед Шелином бокал с темно-коричневым бренди. — Бутылка всего одна, так что пейте лучше понемногу.

Психолог кивнул. Не дожидаясь, пока официант отойдет, он поднял бокал и сделал жадный глоток, от которого содержимое уменьшилось ровно наполовину.

— Послушайте, я же говорил...

Шелин улыбнулся ему:

— То, что вы сказали, я услышал, а дальше буду пить помедленнее.

Он повернулся к Бини:

— Слышал, пока я отсутствовал на Севере, в астрономической обсерватории разгорелся какой-то грандиозный скандал. Об этом мне рассказывала Лилиас, но сама она толком ничего не поняла. Говорят, дело в какой-то новой теории...

Бини усмехнулся и произнес:

— Мы с Серимоном как раз об этом и толкуем. Дело не в новой теории, а в вызове уже существующей. Я как раз произвожу расчеты орбиты движения Кальгаша, и...

Шелин прислушался, и с каждым словом его изумление росло.

— С теорией всемирного тяготения что-то не так? — не удержался он от возгласа, едва Бини перевалил за середину. — О небеса! Выходит, если я выпущу из рук очки, они могут улететь в небо? Пожалуй, мне лучше сперва допить нельтиги! — С этими словами он осушил бокал до дна.

Бини громко рассмеялся:

— Теория всемирного тяготения по-прежнему на страницах учебников. Мы лишь пытаемся сделать то же, что и Артур, который лично возглавил это исследование — невероятно, что он сам взялся за такую работу! Наша цель — получить математическое объяснение: почему наши практические данные расходятся с теми, что должны получаться по расчетам.

— Думаю, это следует назвать фальсификацией данных, — вставил Серимон.

— По-моему, неубедительно, — покачал головой Шелин. — Тебе не нравится этот вывод, и ты попросту перекраиваешь выводы под себя, верно, Бини? Всеми правдами и неправдами, лишь бы достичь цели?

— Ну, вовсе не так...

— Да признайся же, признайся! — залился смехом Шелин. — Официант! Повтори нельтиги! И моему аморальному молодому другу тоже принеси еще танолу! Серимон, тебе повторить?

— Пожалуй, да.

Шелин тем же зычным голосом продолжал:

— Всё это сплошное разочарование, Бини. Я-то думал, только мы, занимающиеся психологией, подгоняем теорию под цифры и называем это гордым словом «наука». А это больше смахивает на проделки культистов Культа Пламени!

— Шелин, заткнись!

— Культисты Культа Пламени тоже утверждают, будто они ученые, — вмешался Серимон.

Бини и Шелин одновременно повернули к нему головы.

— На прошлой неделе, перед самым дождем, я брал интервью у одного из ключевых деятелей

их организации, — продолжал он. — Я надеялся встретиться с Мондиром, но беседу со мной провел сотрудник отдела по связям с общественностью по имени Фримонт 66. Человек хоть и тощий, но толковый и весьма обаятельный. Почти полчаса он доказывал мне, что они научно и несомненно доказали: девятнадцатого сентября следующего года все солнца исчезнут, нас поглотит крошечная тьма, и каждый божий человек сойдет с ума.

— Весь мир превратится в сплошной Таинственный туннель, я правильно понимаю? — с видимым удовольствием сострил Шелин.

— Понимаешь, у нас банально не хватит больниц, чтобы поместить все население, или психиатров, чтобы их лечить. К тому же все психиатры тоже сойдут с ума.

— И это всё? — спросил Бини.

— Отличный вопрос, — подхватил Шелин.

— Самое страшное вовсе не помешательство, — продолжал Серимон. — По словам Фримонта, после исчезновения солнц небо покроется так называемыми звездами, которые станут изрыгать на нас пламя и спалят всё дотла. И тогда весь мир заполнится бормочущими, несущими бред безумцами. Они будут метаться по пылающим городам, а в ушах у них будет непрерывно грохотать рушащиеся здания. Будем надеяться, что это всего лишь кошмарный сон Мондира.

— А что если не сон? — произнес Шелин, внезапно всхлипнув. Лицо его вытянулось, приняв мрачное, озабоченное выражение. — А что если в этом есть доля правды?

— Какая потрясающая воображение точка зрения! — воскликнул Бини. — По такому случаю давайте-ка пропустим еще по одной!

— Ты еще эту не допил, — напомнил Шелин молодому психологу.

— А? Что ты говоришь? Как допью — так сразу повторим. Официант! Официант!

Артур 77 чувствовал, как по всему телу разливается тяжелая усталость. Директор обсерватории полностью сбил свой привычный режим: казалось, он провел за рабочим столом уже часов шестнадцать. Вчера было то же самое, позавчера — в общем, Нильда была права. Он разговаривал с ней всего несколько минут назад. На экране лицо его жены выглядело напряженным и застывшим — было очевидно, как сильно она за него переживает.

— Разве нельзя пойти домой и отдохнуть, Артур? Ты сидишь за столом уже почти двадцать четыре часа.

— Правда?

— Ты же понимаешь, что ты уже не юноша.

— Да и не зрелый муж, Нильда. Но это потрясающая, захватывающая работа! После десяти лет просиживания над сметами и чужими научными статьями я наконец-то вернулся к настоящим исследованиям. Мне это нравится.

Она выглядела еще более встревоженной:

— В твоём возрасте уже не обязательно заниматься исследованиями. Твоя репутация, Артур, давно устоялась, и никто не в силах ее пошатнуть!

— О? Серьезно?

— Твое имя навсегда останется в истории астрономии.

— Или пребудет в бесславии, — печально отозвался он.

— Артур, я просто не понимаю, ради чего ты...

— Позволь мне делать то, что я делаю, Нильда. Поверь, я не свалюсь замертво под столом. Эта работа вернула мне ощущение молодости и сил. Всё, что я умею и хочу делать — это работать. Если это звучит самонадеянно, пусть будет так. Но это чертовски важно, я...

Она вздохнула:

— Да, разумеется. Но не засиживайся слишком долго, Артур. Это моя единственная просьба.

Разве он засиделся слишком долго? Он с удивлением прислушался к себе. Да, да, конечно, засиделся, пожалуй, дольше обычного, но иначе было просто нельзя. К подобным задачам нельзя относиться легкомысленно, в них нужно погружаться целиком и полностью. Последние несколько недель, когда он рассчитывал силу всемирного тяготения, он трудился по шестнадцать, восемнадцать, а то и двадцать четыре часа в сутки, прерываясь лишь тогда, когда одолевал непреодолимый сон. Забывался коротким сном, просыпался — и снова с головой уходил в работу, а в голове непрерывно крутились незаконченные уравнения. Но тогда ему было около тридцати пяти, а теперь стукнуло почти семь, тут уж волей-неволей приходится считаться со старостью. Во рту пересохло, в голове шумело, сердце колотилось — всё это жутко раздражало. Несмотря на тепло в кабинете, пальцы то и дело цепенели, колени подрагивали, и каждая клеточка тела отказывалась подчиняться. Он пообещал себе: сегодня он поработает еще совсем чуть-чуть — и сразу домой. Всего лишь самую малость. Выведет восьмую гипотезу...

— Господин?

— Что? — рывкнул он.

Впрочем, этот вопрос наверняка сорвался с его губ грозным рыком, потому что, повернув голову, он увидел молодого Йемота, стоявшего в дверях. Тело парня непрерывно подергивалось в странных, чуждых судорогах, словно в нем еще не утихли отголоски какого-то безумного танца. В глазах юноши читался первобытный ужас. Впрочем, рядом с директором Йемот вечно ходил на цыпочках и выглядел существовавшим в постоянном нервном напряжении — впрочем, не один он, аспирантов в обсерватории трясло поголовно. Артур уже привык к этому. Он знал, что внушает страх, и прекрасно это понимал. Но на сей раз всё было иначе: Йемот смотрел на него глазами, полными подлинного, нескрываемого испуга. Было видно, каких невероятных усилий стоило юноше выдавить из себя слова.

Хриплым голосом тот произнес:

— Вот расчеты, которые вы заказывали, сэр...

— А, хорошо, хорошо. Давай сюда.

Артур протянул руку за распечаткой, но пальцы его забила такая крупная дрожь, что оба невольно замерли в изумлении. Костлявые пальцы Артура побелели, как у мертвеца, а тряслись они так сильно, что даже записному невротiku Йемоту было далеко до такого расстройства. Он попытался унять руку, но выходило лишь хуже. Казалось, он пытался не столько успокоить дрожь в пальцах, сколько удержать Онуса от побега в небеса. Сбрав последние силы, он единым резким движением вырвал распечатку из рук Йемота и с грохотом швырнул ее на стол.

— Вам что-нибудь принести? — испуганно пискнул Йемот. — Вы имеете в виду лекарство? Как ты посмел предложить такое?!

— Я всего лишь имел в виду что-нибудь поесть или холодный напиток, — едва слышно пробормотал Йемот, пятившись назад так, будто ожидал, что Артур с воплем сорвется с места и вцепится ему в глотку.

— Ах... да, я понял. Не нужно, Йемот, со мной всё в порядке. Абсолютно в порядке.

— В таком случае... до свидания, сэр.

Студент поспешно ретировался. Артур закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов, силой воли заставляя себя успокоиться. Его работа близилась к развязке, в этом он был абсолютно уверен. Данные, которые он заставил рассчитать Йемота, почти наверняка представляли собой последний недостающий элемент мозаики. Вопрос теперь заключался лишь в том, успеет ли он закончить работу раньше, чем работа доконает его.

Он открыл глаза и взглянул на вычисления Йемота. Перед ним на столе мерцали три экрана. На левом дисплее красными линиями отображалась орбита движения Кальгаш, рассчитанная по классическим формулам с применением теории всемирного тяготения; на правом дисплее желтым цветом вырисовывалась скорректированная орбита, полученная Бини на основе новейшего суперкомпьютера и свежих наблюдений за текущим положением Кальгаш; на центральном же экране эти два графика накладывались друг на друга.

За последние пять дней Артур выдвинул семь различных гипотез, пытаясь объяснить разрыв между расчетной и наблюдаемой орбитами. Стоило лишь нажать нужную клавишу на клавиатуре, как любая из семи гипотез тут же возникала на мониторе. Беда заключалась в том, что все семь гипотез не стоили ломаного гроша, и он прекрасно это понимал. Каждая из них несла в себе фатальный изъян по самой своей сути — он выдвигал их вовсе не потому, что их можно было доказать математически, а лишь потому, что сама обстановка требовала хоть какого-то специального обоснования его цифр. В итоге же не было доказано ровно ничего, да и невозможно было доказать. Всякий раз логические выкладки натывались на невидимый рубеж, где некая сказочная сила словно по чьей-то воле вмешивалась в дело, меняя гравитационное взаимодействие так, чтобы подогнать его под причину возникшего расхождения. И действительно, Артур отлично понимал, что эта самая волшебная сила — именно то, что ему необходимо отыскать, но она должна иметь вполне конкретную, осязаемую форму.

Теперь предстояло сформулировать восьмую гипотезу.

Он принялся вбивать результаты вычислений Йемота. Несколько раз непослушные пальцы ошибались клавишами, вводя неверные цифры. Однако рассудок оставался кристально ясным, и он неизменно замечал оплошности. Каждый раз приходилось откатывать назад и исправлять ошибки. Из-за колоссальной концентрации внимания в глазах дважды темнело, и он едва не терял сознание. Но он стискивал зубы и продолжал гнуть свое.

Ты единственный человек на всем белом свете, способный осилить это исследование, а потому обязан довести его до конца, твердил он себе с каждым новым шагом. Звучало глуповато, чересчур эгоцентрично, а то и вовсе отдавало помешательством. Возможно, и не до такой степени, но на этой стадии полного истощения у него просто не осталось никаких иных мыслей, кроме чувства абсолютного долга. Все базовые концепции этого исследовательского проекта целиком и полностью уместались в его голове — в его единственной голове. А потому приходилось заставлять себя держаться из последних сил, пока не будет достигнут... успех.

Последняя цифра из расчетов Йемота ушла в память компьютера. Артур стукнул по клавише, и на центральном дисплее автоматически проявились обе орбиты, после чего он нажал еще раз, объединив новые данные с уже имевшимися.

Яркий красный эллипс расчетной орбиты, выведенной по законам всемирного тяготения, судорожно дернулся и мгновенно растворился; то же самое произошло и с желтым эллипсом. Теперь на экране осталась лишь одна линия — широкая, густая темно-оранжевая черта. Обе смоделированные орбиты совпали тюtelька в тюtelьку, сойдясь с точностью до тысячных долей.

Артур глубоко, со свистом выдохнул, долго вглядываясь в экран, после чего зажмурился и уронил голову на край стола. Оранжевый эллипс продолжал полыхать в его голове раскаленным огненным кольцом. На смену необъяснимому триумфу пришел леденящий страх.

Ответ был у него в руках; он верил, что эта новая гипотеза выдержит любую самую придирчивую проверку. Теория всемирного тяготения все-таки восторжествовала: та самая цепочка умозаключений, что принесла ему мировую славу, не будет повержена в прах. Но в то же самое время он отчетливо понимал, что привычная ему модель солнечной системы на проверку оказалась ложной. Тот самый неизвестный фактор, невидимый колосс или гигантский дракон, которого они так упорно разыскивали, существовал на самом деле. И именно эта мысль тревожила Артура сильнее всего, даже несмотря на спасение его звездной теории. Годами он был свято уверен, что досконально постиг все законы движения небесных тел, и лишь теперь осознал, сколь убоги и неполны были его познания. В привычном, изученном мире таилась огромная, непостижимая бездна неизведанного.